

По адресу дворянско-купеческой Москвы 1860—1870-х годов П. И. Чайковский слал горький упрек:

«Я готов согласиться, что у в а ж а ю щ е й себя столице неиррично обходиться без итальянской оперы. Но, в качестве русского музыканта, могу ли я, слушая трели г-жи Патти, хоть на одно мгновение забыть, в какое унижение поставлено в Москве наше родное искусство, не находящее для приюта себе ни места, ни времени? Могу ли я забыть о жалком прозябании нашей русской оперы в то время, когда мы имеем в нашем репертуаре несколько таких опер, которыми всякая другая у в а ж а ю щ а я себя столица гордилась бы, как драгоценнейшим сокровищем»¹.

Итальянская опера, всячески поддерживаемая дирекцией и публикой из дворянских и буржуазных кругов, давила на спертую труппу Большого театра всем своим укладом: премьерством певцов, отсутствием ансамбля, полным забвением того, что певцу необходимо быть актером, господством сценического шаблона и совершенным пренебрежением художественной правдой.

Для артистов русской оперы, которые не хотели мириться с этим господством итальянщины на русской сцене, единственной школой художественной правды оставался Малый театр.

Так же относился к нему и Чайковский, высоко ценивший правдивое искусство «Дома Ицпкина». Его любимым актером был Пров Садовский. Говоря с уважением о знаменитой «Французской комедии», он однако, утверждал: «Там нет ни одного актера, как Садовский, т. е. там нет гения»².

Когда Чайковский написал «Евгения Онегина», он решительно отказался от мысли поставить эту оперу на казенной сцене. Он боялся отдать свои живые, правдивые образы — Татьяны и няни, Ленского и Онегина — во власть рутины, трафаретной «итальянщины». Убегая от шаблонов, он назвал «Онегина» не оперой, а «лирическими сценами» из романа Пушкина. Требуя от исполнителей простоты и правды, он предпочел отдать «Онегина» в руки учеников консерватории для их экзаменационного спектакля.

¹ П. Чайковский. Музыкальные фельетоны и заметки (1860—1876 г.), М. 1898, стр. 11.

² М. Чайковский. Жизнь П. И. Чайковского, том II. М. 1901, стр. 380.

«Псковитянка».

Ф. Н. Шалипин в роли Ивана Грозного.

В письме к профессору консерватории К. К. Альбрехту Чайковский писал про ученицу консерватории, назначенную им в исполнительницы Татьяны: «Для меня Климентова, какая она ни есть, лучше чем Рааб, Велинская, Меньшикова¹ и т. д., потому что она будет промуштрована Гальвани, тобою, Самариным и Рубинштейном». Поименовывая в конце письма известных оперных дирижеров и режиссеров того времени, Чайковский утверждает, что ему для постановки «Онегина» нужны не они, а «нужны Губерт, Альбрехт, Самарин и Рубинштейн, т. е. артисты...»².

Постановку «Евгения Онегина» Чайковский вверяет И. В. Самарину, ведущему актеру Малого театра. Для композитора-новатора, осмелившегося впервые за всю историю русской оперы вывести на сцену не «царей» и «витязей», а простых людей, необходим был режиссер реалистической школы. Композитор хотел, чтоб сценические образы

¹ Оперные примадонны.

² Чайковский на московской сцене. Сборник. М. 1940, стр. 264.